
ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 323.22

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-437-442

1968 ГОД: ПЕРВАЯ СУБКУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1968: THE FIRST SUBCULTURAL REVOLUTION

Р.Г. Аббасов¹, В.П. Римский^{1,2}
R.G. Abbasov¹, V.P. Rimskiy^{1,2}

¹Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

²Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

¹State Institute of arts and culture, 7 Koroleva St, Belgorod, 308033, Russia

²Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: rasmichik93@mail.ru; rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен «революции 1968 года», которая в действительности была сложным и длительным процессом (на протяжении почти десяти лет – с середины шестидесятых до середины семидесятых годов XX века), сложилась из многообразных событий на большом пространстве Америки и Европы, включая и периферийные «социалистические страны». 1968 год и события «студенческой весны» в Париже стали символом этой революции, которую авторы рассматривают в качестве субкультурной.

Abstract

The youth movement of the 60s–70s in Western Europe and the USA, the "cultural revolution" in China directly addressed the ideas, images and symbols of revolutionary Soviet mythology. Mass culture, Soviet practices of direct participation in politics and youth subcultures, probably, are not accidentally linked in one spatio-temporal and active field.

The article deals with the phenomenon of the «revolution of 1968», which was in fact a complex and long process (for almost ten years – from the mid-sixties to mid-seventies of the twentieth century), has developed from a variety of events in a large area of America and Europe, including the peripheral «socialist countries». 1968 and the events of the «student spring» in Paris became a symbol of this revolution, which the authors consider to be subcultural. This revolution, like the subsequent ones, which in many respects continued it, has an ambivalent character, generates dichotomies that require a practical withdrawal and theoretical explanation.

Ключевые слова: «студенческая революция 1968 года», субъект революций, контркультура, субкультуры, субкультурные революции.

Keywords: «student revolution of 1968», the subject of revolutions, counterculture, subcultures, subcultural revolutions.

На фоне столетнего юбилея Великой Русской революции ушла в день не менее символическая дата – пятьдесят лет со дня «студенческой революции 1968 года», которую связывают по преимуществу с символическими событиями «молодёжного бунта» в Париже. Поэтому у нас есть все основания обратиться к событиям 1968 года, «одной из самых мифологически нагруженных дат XX столетия» [6], которые в научной и философской литературе имеют самые различные трактовки. А.С. Кустарёв пишет: «Одни горюют по *сорвавшейся революции*, другие насмеваются над ее *ребяческой наивностью* и называют ее «начитанной (angelesene: Гюнтер Грасс) революцией»; третьи считают ее *карнавальным бунтом*; четвертые с искренним сожалением или со злорадством замечают, что ничего, кроме *контрреволюции*, этот всплеск не принес, и глубокомысленно добавляют, что так, дескать, бывает всегда; пятые уверяют, что революция на самом деле победила как «*культурная революция*», и считают это большим достижением; наконец, шестые, наоборот, сожалеют о том же, поскольку ничего, кроме *распущенности*, это, дескать, не принесло, и так далее – каталог открыт для дополнений (курсив везде наш – авт.)» [7]. Джованни Арриги, Иммануил Валлерстайн, Теренс Хопкинс [3] называли эту революцию, вызванную конфликтом *системных* (официальные институты капитализма) и *антисистемных* сил и движений (старые и новые социалистические, левые и прочие антикапиталистические формальные и неформальные структуры), «мировой революцией».

Уже здесь очевидно, что эта революция, как и последующие, во многом продолжившие её, носит *амбивалентный характер*, порождает дихотомии, требующие практического снятия и теоретического объяснения. Вот эти самые приблизительные дихотомии: сорвавшаяся революция – карнавальная революция; наивная революция – культурная революция; всемирная революция – контрреволюция; и т. п. Такая поверхностная культурная феноменология легко реконструируется по описаниям их событийности в многочисленных исследованиях и на основе документов эпохи.

Субкультурные стили, символы и мифы проявились в массовых революционных событиях и в деятельности революционных субъектов уже в начале нашего, XXI века, определив их неповторимую «карнавальную» феноменологию. Нам могут возразить, что все революции амбиваленты, так как в кризисных, революционных трансформациях обнажаются как глубинные, так и внешние противоречия социокультурных систем, которые и «снимаются» в революциях. В.И. Ленин писал: «Революции – праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции» [8, с. 103]. Амбивалентность всегда рассматривали как характеристику праздников и карнавалов, что ещё раз говорит о *субкультурности всех революций* (и особенно порубежных).

Это определяется особой системной характеристикой радикальных социокультурных трансформаций, каковыми являются революции. Ж. Делёз и Ф. Гваттари, ссылаясь на идеи синергетики, писали о специфике революционного детерминизма: «В исторических феноменах, подобных Революции 1789 года, Коммуне, Революции 1917 года, всегда есть что-то от события, несводимого к социальному детерминизму и причинным рядам. Историков не устраивает это обстоятельство: они восстанавливают причинность задним числом. Но событие само по себе состоит в обособлении или в разрыве с различными видами причинности: это бифуркация, отклонение от законов, нестабильное состояние, которое открывает новый спектр возможностей... В этом смысле событие может быть оспорено, пресечено, воспроизведено заново, предано: оно не содержит в себе чего-то непреодолимого. Только ренегаты говорят: это пройденный этап» [5, с. 69]. Таким образом, в революциях открываются самые *многообразные возможности* и пути их реализации: от победы до контрреволюции. Но другие альтернативы никогда не устраняются до конца и всегда могут возобновиться в других условиях.

При всей пестроте интерпретаций «события 1968 года», так или иначе, получают статус революционных, и от них протягиваются смысловые и процессуальные цепочки к

«событиям 1989 года» – к «бархатным» революциям в СССР и Восточной Европе и далее, к революционным, «цветным революциям» начала нового тысячелетия. Как писали Ж. Делёз и Ф. Гваттари: «Детей 68-го можно найти повсюду, хотя они сами этого не осознают, и каждая страна порождает их на свой манер... И сохраняют какую-то открытость, нечто возможное». Они приводят меткую характеристику актёра Микки Рурка, который характеризует революционных шестидесятников: «В нем сочетается уличная и университетская культура. И именно это сочетание сводит его с ума» [5, с. 71, 72]. Вот эта амбивалентность субкультурных революционеров (университетских студентов и уличных хулиганов), объединённых в сообщества, определила и события всех рассматриваемых социокультурных трансформаций последних десятилетий.

Наиболее интересной и одновременно противоречивой, доступной фальсифицирующей критике, является трактовка этих революционных событий И. Валлерстайном с коллегами. Так, Джованни Арриги, Иммануил Валлерстайн, Теренс Хопкинс в этой связи писали: «Если верить сообщениям прессы, участники массовых акций, прокатившихся в 1989 году по Восточной Европе, любили переворачивать «89», превращая это число в «68». Тем, кто придает политическое значение этой символической игре цифр, интересным покажется и вопрос о противоположных идеологических репрезентациях двух великих дат, ибо, в то время как 1968-й был «антикапиталистическим», 1989-й оказался в той же мере «капиталистическим» [3]. Интересно, что театральный дискурс (перформанс) здесь прямо указывает на субкультурный и эстетический характер этих революционных событий.

Можно привести и понимание самим И. Валлерстайном места и роли 1968 года в сети революционных событий последних пятидесяти лет, который интерпретирует революции в терминах синергетики (как бифуркации): «Конкретным символом первой бифуркации можно считать результат мировой революции 1968 г., продолжавшейся до так называемого падения коммунистических порядков в 1989 г., которые можно считать второй бифуркацией. В многочисленных локальных проявлениях мировая революция 1968 г. была, конечно же, восстанием против капиталистической цивилизации и её непосредственной главной опорной структуры – Соединённых Штатов, с которыми СССР, считалось, вступил в тайный сговор» [4, с. 171]. Разделяя его критический пафос в отношении капитализма, отметим, что сама такая трактовка революций носит уязвимый и противоречивый характер. Противоречивая теория революций И. Валлерстайна, одного из именитых западных «шестидесятников», развитая им в контексте мир-системного анализа и опровергающая все выше приведённые нами типологии революций заслуживает более пристального рассмотрения.

А.И. Фурсов называет его трактовку «мировой революции» 1968 года «священным мифом мир-системного анализа». Он так её характеризует: «Революция 1968 г., под которой в МСА понимается взрыв, происшедший спонтанно и почти одновременно в Нью-Йорке, Париже, Нью-Мехико, Праге, Италии, Дакаре, Калькутте и Пекине, занимает особое место как в валлерстайновской схеме развития мира после 1968 г., так и в его подходе к революциям вообще. Согласно Валлерстайну, в истории были только две мировые революции, одна – в 1848 г., вторая – в 1968 г. ... Валлерстайн считает 1989–1991 гг. поворотным пунктом современной эпохи... Отсюда – задача: решить, каким конъюнктурам и структурам соответствуют эти два события. Например, конец коммунизма как конец эры. Какой эры? 1945–1989 гг.? 1917–1989 гг.? 1789–1989 гг. или 1459–1989 гг.? Валлерстайн выбирает период 1789–1848–1989 гг.» [11, с. 55, 64]. Мы не будем приводить все критические аргументы А.И. Фурсова, но уже сам выбор И. Валлерстайном основных революционных вех в «историческом капитализме» говорит о том, что это были всё те же «модернизации модерна», о которых мы писали в предыдущей статье [1]. При этом модерн как цивилизация в нашей трактовке оказывается гораздо объёмнее и глубже валлерстайновских понятий «исторический капитализм» или «капиталистическая мир-экономика». Он и

в своей популярной книге, процитированной нами, пишет о «капиталистической цивилизации», но цивилизация модерна не сводится к «капитализму», что часто демонстрирует мир-системный анализ.

Для нас более приемлема трактовка типологической специфики революционных событий 60–70-х годов, данная А.С. Кустарёвым, нашим отечественным «шестидесятником» и диссидентом: «Чем дальше мы удаляемся от этой эпохи, тем лучше видно, что по своей сущности и смысловому (хотя, может быть, и не энергетическому, во всяком случае, в Европе) масштабу эта коллизия сопоставима с несколькими всемирно-историческими коллизиями прошлого: революциями начала XX века (символическая дата 1917), революциями середины XIX (символическая дата 1848), революциями конца XVIII века – французской и американской (1789). А также и более ранней протестантской революцией, наиболее ярко обозначенной политическими событиями в Англии середины XVII века» [7]. Но что всё же отличает все эти революции модерна? Почему субкультурность, по нашему мнению, является специфическим маркером именно для революций 60–90-х годов XX века и рубежа тысячелетий?

В марксистской теории таким специфицирующим инструментом служили «классы» и «классовый подход», который требовал указания на «субъект революции»: отсюда и происходили номинации «буржуазных», «буржуазно-демократических», «пролетарских», «национально-освободительных» и т. п. революций. Революционные, консервативные (неоконсервативные), реакционные и фундаменталистские «волны» в культурно-цивилизационных процессах определяются не столько некими устойчивыми социальными структурами типа «классов», а субкультурами и субкультурными стратификациями, «задаются» ими. Субъект революций, на наш взгляд, всегда связан не столько с «классами» и «социальными группами», как это утверждается в марксистской и немарксистской социально-политической методологии, а именно с *субкультурными сообществами*, в которых объединение людей проходит не на основе «социально-экономических», «идеологических» или «политических» интересов, но вовлечение в революционные события и процессы реализуется по ментальным сопричастиям и культурно-антропологическим сопряжениям. Всё это наиболее полно проявляется в революциях второй половины XX века и рубежа тысячелетий, охвативших все основные регионы мира, что и позволяет нам говорить об их субкультурной природе. И когда мы именуем рассматриваемые здесь революции в качестве «субкультурных», то предполагаем, что их субъектом и были многообразные «субкультурные сообщества» (прежде всего, молодёжные). И действительно, во всех революциях не весь целиком «класс», а лишь его определённые сообщества и страты, связанные общими ментальными установками, образом и стилем жизни, культурными практиками, выполняют эту революционную миссию.

Можно привести пример, как в событиях затянувшейся «весны 1968 года» в Польше таким субъектом стали польские рабочие и служащие верфи в Гданьске, создавшие профсоюз «Солидарность», а в СССР – шахтёры, стучавшие касками на «горбом мосту». При этом другие представители «самого передового класса» оставались пассивными. Когда И. Валлерстайн в качестве социальной базы революции 1968 года рассматривает новый «интеллектуальный рабочий класс» Европы и США (инженеров, управленцев, исследователей), то почему-то не объясняет того факта, что именно студенческие сообщества, первичный субстрат воспроизводства «интеллектуального рабочего класса», составили костяк революционного субъекта в этих революционных событиях.

Да, во всех этих революциях огромную *основную субъектную роль* играла молодёжь, прежде всего, студенческая. Именно в студенческой революции 60–70-х годов XX века родился феномен молодёжной контркультуры [10], позже быстро присвоенный капитализмом и распавшийся в условиях коммерческой и медийной адаптации на множество «молодёжных субкультур» [9]. Здесь надо иметь в виду не только молодёжные контркультуры и субкультуры повседневности и массовой культуры, которые на рубеже столетий существенно трансформировались по сравнению с 70–80-ми годами XX века, но и

большой спектр политических, религиозных, художественных и т. п. субкультур, возникновение которых было реакцией на «оранжевые революции» на посттоталитарном пространстве Восточной Европы и бывшего СССР.

Но и с молодёжью и студентами не всё так просто: исследователи отмечают, что молодёжь всегда была и будет основным субъектом во всех революционных событиях (теории «молодёжного бугра»). Тогда почему именно эти революции мы рассматриваем в качестве субкультурных?

Во-первых, потому, что именно на рубеже 50-х и 60-х годов XX века окончательно оформился тот феномен «массового общества» и «массовой культуры», о котором философы писали ещё в начале века, так как *массофикация общества и культуры* началась ещё в XIX столетии.

Эти революции не ограничивались участием в них «старых» антикапиталистических субъектов революционного действия, представленных социал-демократами и коммунистами всех оттенков (от поклонников КПСС до сторонников Мао и Че Гевары), но здесь впервые появляются *новые субкультурные субъекты*, объединённые не в традиционные «партии» на основе «классовых стратификаций», а в *массовые движения*. «Событие порождает новый образ жизни, оно производит новую субъективность (новое отношение к телу, времени, сексуальности, среде, культуре, работе...)... Общество должно быть способно создать новые коллективные устройства (*agencements*), соответствующие новой субъективности, оно должно желать, чтобы этот сдвиг произошёл. Именно в этом заключается настоящее «преобразование»» [5, с. 70], – писали Ж. Делёз и Ф. Гваттари. Феминистское, антирасистское, гомосексуальное, экологическое движения – это всё оттуда, из революций рубежа 60–70-х.

Но что тогда подвигло самые широкие протестные движения 60–70-х годов прошлого века на новую, «внеклассовую» субкультурную революцию массового общества?

Синергичность революционных процессов, когда в условиях революционных возмущений открывается самый широкий спектр возможностей, определяет и *множественность аттракторов*, направлений революционных процессов в открытых нелинейных системах и *многообразие субкультурных акторов*. Амбивалентность революционных флуктуаций определила и *ситуативность* (случайность, анархичность) субкультурных революций, и одновременно их *проективность* (заданность, лабораторность, искусственность, технологизация).

Но тогда какова была скрытая телеология субкультурных революций поздней современности, определяющая их явную феноменологию?

Ответ, на наш взгляд, кроется в том анализе, который представлен Х. Арндт сразу же после рассматриваемых нами событий (частично мы об этом упоминали выше, сейчас вынуждены немного повториться). Характеризуя студенческие бунты как глобальный феномен, она писала о субкультурных практиках и лозунгах этих революционеров: «Новых воинствующих активистов клеймили как анархистов, нигилистов, красных фашистов, нацистов и (намного более обоснованно) как «луддитов», а студенты отвечали столь же бессодержательными ярлыками – «полицейское государство» или «скрытый фашизм позднего капитализма» и (намного более обоснованно) «общество потребления»... Единственный позитивный политический лозунг, выдвинутый новым движением, – призыв к «демократии участия», нашедший отклик по всей планете и составляющий самый важный общий знаменатель бунтов на Востоке и на Западе, – происходит из *лучшего, что есть в революционной традиции*, – из системы Советов (выделено нами – авт.), вечно терпящего поражение, но единственного подлинного результата всех революций начиная с XVIII века. Но никакой отсылки к этой цели ни на словах, ни по существу нельзя найти в учениях Маркса и Ленина, которые оба, напротив, стремились к обществу, в котором необходимость в *публичном действии* и в участии в *публичных делах* «отмерла бы» вместе с государством (выделено нами, но здесь она абсолютно неправа – авт.)» [2, с. 20, 29–30]. Здесь

речь идёт о том, что в робкой, зачаточной форме идея прямого публичного действия и участия в публичных делах, практики самоорганизации, родившиеся в большевистских Советах, вновь были заявлены как *цель новых революций* именно в событиях 1968 года.

Молодежное движение 60–70-х годов в Западной Европе и США, «культурная революция» в Китае прямо обращались к идеям, образам и символам революционной советской мифологии. Массовая культура, советские практики прямого участия в политике и молодежные субкультуры, вероятно, неслучайно увязываются в одном пространственно-временном и деятельном поле. Куда же исчезли эти робкие практики демократии прямого участия и ненасильственного действия?

Список литературы

References

1. Аббасов Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. Великая Русская революция: модернизация Модерна? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 24 (273). – Вып. 42. – Белгород, 2017. – С. 78–87.

Abbasov R.G., Borisova O.S., Rimsky V.P. the Great Russian revolution: modernization of Modernity? // Scientific statement BSU. Series «Philosophy. Sociology. Right». – № 24 (273). – Issue. 42. – Belgorod, 2017. – P. 78–87.

2. Арндт Х. О насилии. – М., 2014.

Arendt H. On violence. – М., 2014.

3. Арриги Дж., Валлерстайн И., Хопкинс Т. 1989-й как продолжение 1968-го // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/arr2.html>.

Arrighi George., Wallerstein, I., Hopkins, T. 1989 as a continuation of 1968 // neprikosnovennyi zasap. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/arr2.html>.

4. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М., 2008.

Wallerstein I., Historical capitalism. Capitalist civilization. – М., 2008.

5. Делёз Ж. Мая 68-го не было. – М., 2016.

Deleuze G. May' 68 was not. – М., 2016.

6. Калинин И.А. Неслучившаяся революция или революция non-stop? // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4>.

Kalinin I. A. non-Incident revolution or non-stop revolution? // Emergency ration. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4>.

7. Кустарёв А.С. Сорок лет спустя // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ku3.html>.

Kustarev A.S. Forty years later // Emergency ration. – 2008. – № 4 (60). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/4/ku3.html>.

8. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – Т. 1. – М., 1960. – С. 1–131.

Lenin V.I. Two tactics of social-democracy in the democratic revolution // Lenin V. I. Poln. Coll. Op. Ed. 5. – Т. 1. – М., 1960. – Pp. 1–131.

9. Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках. Статья 4. Конфигурации молодежных субкультур в пространстве российского региона // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 20 (91). – Вып. 14. – Белгород, 2010. – С. 70–78.

Rimskaya O.N., Rimskiy V.P. methodology of research of subcultures in social Sciences and Humanities. Article 4. Configurations of youth subcultures in the space of the Russian region // Scientific Bulletin of BelSU. Series "Philosophy. Sociology. Right". – № 20 (91). – Issue. 14. – Belgorod, 2010. – P. 70–78.

10. Рошак Т. Истоки контркультуры. – М., 2014.

Roszak T. The Origins of the counterculture. – М., 2014.

11. Фурсов А.И. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа (о работах Иммануэля Валлерстайна и мир-системном анализе) // Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. – М., 2008. – С. 6–72.

Fursov A.I. Capitalism through the prism of world-systems analysis (Imanila on the works of Wallerstein and world-system analysis) // Wallerstein I. Historical capitalism. Capitalist civilization. – М., 2008. – P. 6–72.